

Воспоминания о «Кузнецком празднике»

Музей Достоевского в Новокузнецке постоянно привлекает к себе внимание творческой интеллигенции Кузбасса. Писатели, поэты, художники не просто являются его посетителями. Свое творчество многие из них посвящают великому русскому писателю.

Кто бы объяснить смог, какими непредсказуемыми стежками-дорожками скрытно подбирается к душе поэта, художника, писателя замысел будущего творения?

О новокузнецкой художнице Альбертине Федоровне Фомченко, которая волею обстоятельств покинула когда-то Палех, где училась и работала много лет, не раз писали наши областные газеты, телевидение показывало ее работы.

И вот Новокузнецкий музей Достоевского включил в свою экспозицию работу художницы Фомченко «Воспоминания об Исаевой».

Гляжу на бесхиростную, мазалось бы, композицию. На переднем плане — Федор Михайлович Достоевский. С окладистой бородой. 70-е годы прошлого века. Казалось. Все, что было в Кузнецке, забыто. Померкло «грозное чувство». Но так ли это? Вот они, воспоминания, нахлынули, волной накрыли. Там, позади, чуть поодаль, стоит знакомый бревенчатый домик, из небзгния будто вновь «воздвигается» Одиотриевский храм, около которого стоит знакомый нам по фотографиям священник Евтений Тюменцев, венчавший писателя с Исаевой.

Воспоминания об Исаевой... Листаю пятилетней давности рекомендательную справку, составленную по следам комиссии, в которой я участвовала, по перестройке экспозиции Новокузнецкого музея Достоевского. Помню, с каким теплом была эта записка оценена литературоведами столичных литературных музеев. И построена была та справка не на «Кузнецком празднике» Достоевского, а на воспоминании о нем. Но мне так казалось — все-таки чего-то глубинного все еще в ней не хватает. И вот сейчас, когда перед глазами работа А. Фомченко «Воспоминания об Исаевой», я уже точно знаю, каким хорошо бы увидеть, по крайней мере, один раздел музейной экспозиции.

...Я вижу маленькие комнатенки. Ситцевые занавески и домотканые половики. В прихожей — простейшие предметы обихода перекликаются с осколками бывшего благополучия. На грубый стол местного изготовления, около беленой печи, брошен изящный, но не первой свежести зонтик, плетеная кошелка, с которой Исаева ходила на рынок, соседствует с бисерным, искусно шитым, но потертым кошелечком. В комнате на столе — полураскрытая шкатулка, из которой выглядывает перевязанная лентой связка писем:

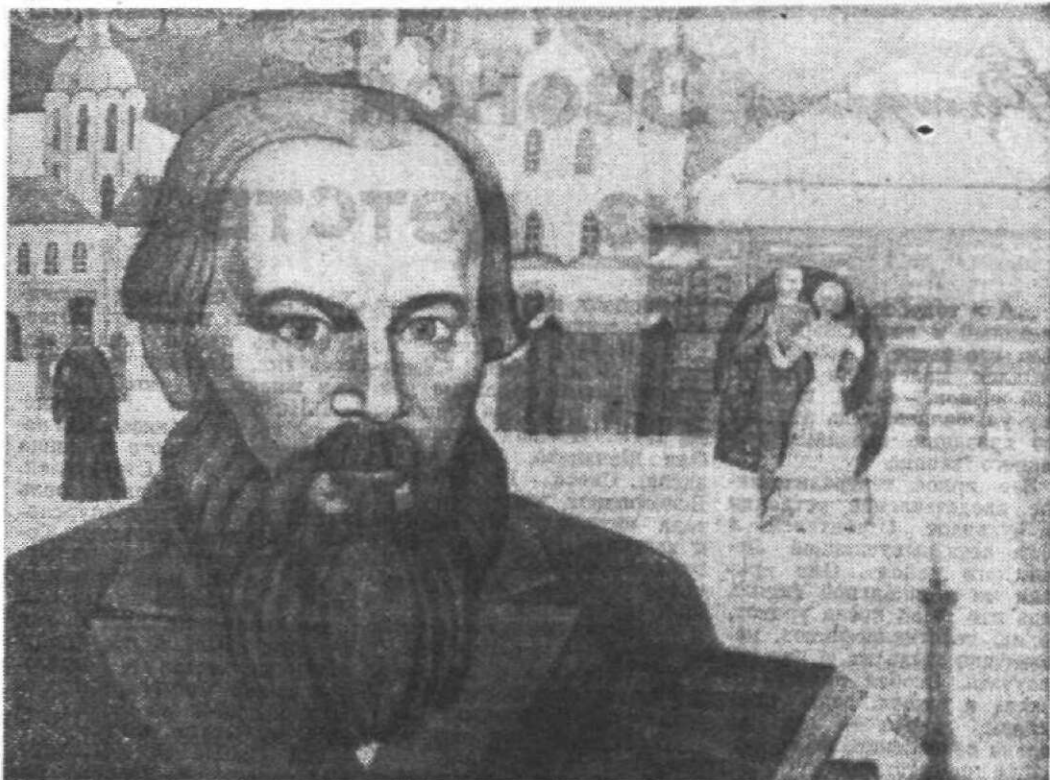
Достоевский писал с каждой почтой. И, может, раскрытое письмо, и рядом конверт на столе — только что получено и прочитано...

Все это до момента, изображенного на картине Фомченко. Момент — пик. Сейчас состоится венчание. Или сорвется? Ведь где-то невдалеке и соперник — учитель Вергунов — ну, как прямо из-под венца уедет невесту? И опять же

ма скромная рукодельная шкатулка. Ее приметы. Исаевой, которая уже отринута, заслонена образами, для которых послужила прототипом или хотя бы им-пульсом. А на столе, главенствуя, КНИГИ: «Дядюшкин сон», «Униженные и оскорбленные», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание». Книжки, в которых читаются отблески «грозного чувства».

Вот передо мной работа Фомченко «Воспоминания об Исаевой», и рука сама тянется к письмам — воспоминаниям писателя: «О

«грозного чувства» — Врангелю: «Несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе, по ее страстному, мнительному и болезненно-фангастическому характеру, мы не могли перестать любить друг друга; даже более того, чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу...» В эту книгу не вошли загадочные строки, написанные Достоевским своей супруге Анне Григорьевне Сниткиной из Висбадена через семь лет после кончины Марии Дмитриевны: «К священнику не пойду ни за что, ни в каком случае.

разгадка. В книге, которую нарочито показывает на портрете писатель. В несостоявшемся венчании Рогожина, в терзаниях князя Мышкина разгадка...

Венчание Достоевского с Исаевой состоялось, о чем свидетельствует Документ «Обыск брачный № 17». в экспозиции музея. Дошли-добежали до аналога статный офицер и хрупкая красавица в подвенечном платье. Потом же...

А потом в экспозиции такой бы эпиграф: отзвучал «Кузнецкий праздник». И брошены всером карты на ломберный стол — страсти, затмевавшие «грозное чувство», уже роятся в Душе писателя. Скромный письменный стол. Это не стол маститого литератора, это условное место, где рождалась та будущая книга жизни, которую на портрете Фомченко словно предьявляет потомкам писатель, себе в оправдание. Исаева не могла быть забыта. И пусть на этом столе, в самого края — фотографии

другой, она любила меня беспредельно, и я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо» (из письма к другу Александру Егоровичу Врангелю вскоре после смерти Исаевой...)

...Пока же на картине — лишь преддверие «Кузнецкого праздника». «Была эта женщина души самой возвышенной и восторженной, сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу!»

А пока — обнять крепче, укрыть плащом, скорее — в церковь, к венчанию, к завершению фабулы своих пока еще не написанных стольких романов... Но это все там, в сверкающих снегах бревенчатого Кузнецка, где тянутся к февральскому небу в сказочно-пухлых облаках шпиль сахарного, белейшего Преображенского собора. Реальность же вот она — на переднем плане картины — лобастая голова, пронзительный, в пережитое вперенный взгляд. И книга. В нее вошли отчаянные признания писателя поверженному

Он один из свидетелей старого, прошедшего, прежнего, исчезнувшего! Мне больно будет и встретиться с ним» — не Евгений ли Тюменцев, вот тут же на картине Фомченко изображенный, венчавший в Феврале 1857 года в Кузнецке Достоевского с Исаевой, читается за этими строками?! Конечно же, не вошли в изображенную на картине книгу «Воспоминания об Исаевой», всякий раз властно о себе заявлявшие, в связи с ее сыном Павлом, к которому Достоевский до самых последних дней пытал отцовскую привязанность»...

В символической книге, которую предьявляет зрителю писатель на картине художницы Фомченко, ничего из вышесказанного не вмещается. В нее вошло другое: итог чувств и воспоминаний. Образы. Настасья Филипповна, Катерина Ивановна, Грушенька — смятенные, хрупкие, несибасмые.

М. КУШНИКОВА.